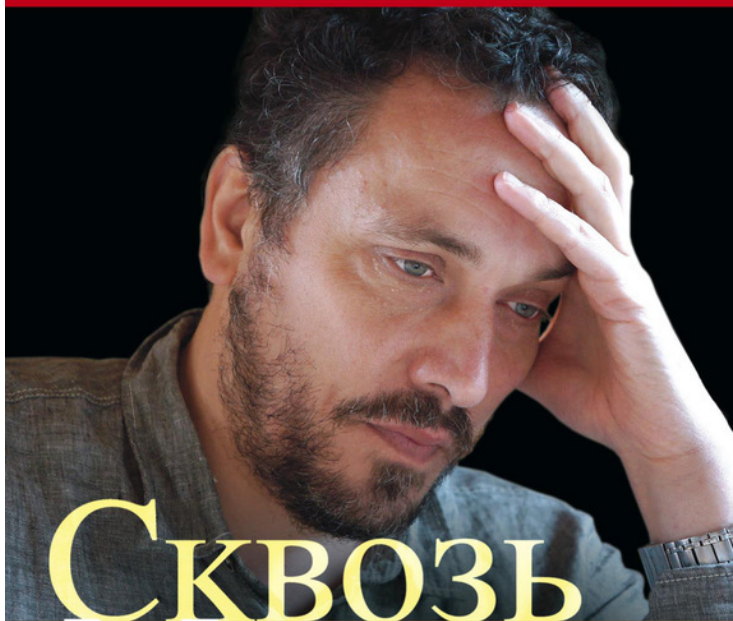

МАКСИМ
Шевченко

СКВОЗЬ
Мутное
Время

РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА НЕОБХОДИМОСТЬ
СОПРОТИВЛЕНИЯ ДУХУ ВЕКА СЕГО

Максим Леонардович Шевченко Сквозь мутное время. Русский взгляд на необходимость сопротивления духу века сего (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6494398

*Сквозь мутное время. Русский взгляд на необходимость сопротивления
духу века сего. Книга публицистики: Центрполиграф; М.; 2013
ISBN 978-5-227-04755-7*

Аннотация

Книга одного из самых известных журналистов России сложилась за несколько лет, ее составили статьи, эссе, интервью и стихи Максима Шевченко. Автор размышляет о времени слома столетий, когда страна поднималась из ужаса небытия 90-х, входила в театр 2000-х и искала свой путь к свободе и справедливости.

Содержание

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ТАКИЕ, КАК ОНИ?	6
ВЕРА: ОБЩЕЕ В БОРЬБЕ	12
Кто наши враги и почему мы должны крепить единство?	12
Так страшен ли нам русский бунт, бессмысленный и беспощадный?	16
Какая нация нам нужна?	22
С чем нам невозможно согласиться?	24
Мы не Европа? И слава богу!	26
Что такое «либеральное безумие»?	33
Почему с прибытием Депардье русских прибыло?	37
Зачем нужна религиозная журналистика?	43
МЫ – РУССКИЕ!	47
Почему мы на стороне беглых каторжников?	47
Все ли русские националисты являются таковыми?	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Максим Леонардович
Шевченко
Сквозь мутное время.
Русский взгляд
на необходимость
сопротивления духу века
сего. Книга публицистики**

*Бывает такая разновидность страха,
которая заворачивает,
как неисследованная земля.*

*Эрнст Юнгер
«В СТАЛЬНЫХ ГРОЗАХ»*

Расулу Кудиеву

*Был ли подвал или не был
били его или нет
видел он черное небо
мертвый последний поэт
где-то кричали и пели
где-то гуляли в ночи*

мыли его и жалели
сестры и злые врачи
мимо летели и выли
пыльные пули ЧК
кони какие-то в мыле
в трупах зеленых река
мерзкой собачьей породы
мучил его прокурор
и собирался под своды
камеры света узор
время достало поэта
он не хотел умирать
били его и за это
чтоб неповадно опять

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ТАКИЕ, КАК ОНИ?

Вместо предисловия

Я, как известно, вел митинг на Поклонной...

Толкнуло меня на это естественное чувство отвращения к городской протоплазме, из которой я, москвич, вышел как первосущество из протоокеана и которая всегда вызывала и продолжает вызывать у меня приступ душевной тошноты (если, конечно, душу может тошнить...).

Представив все это курчавое и лысое, патлатое и сжатое, кривое и строгое, косое и острое, толстое и тощее, пучеглазое и раскосое, косоротое и губошлепое, нестандартное и неформальное, умненькое и туповатое, хихикающее и постное, националистическое и либеральное, безумное и хитрованное, воняющее и нежно пахнущее, я понял, что не могу быть с ними никак...

С их твиттерами, фейсбуками, лайфжорналами, вконтакте и одноклассниками...

С их мечтами и надеждами, с их тщетой и борьбой.

«Вы нас даже не представляете!» – креативили они на плакатах под аплодисменты вальяжных вельмож пиар-индустрии.

Может, Кремль их и не представлял, но я-то их знал как

облупленных! И иллюзии отнюдь не смущали пустыми надеждами...

Конечно, бюрократия, чиновничество, депутатство, силовики, олигархи кремлевского пула – все это было мертво и не стоило слов... А что стоило?

В декабре, как раз перед первой Болотной, в Махачкале убили создателя газеты «Черновик» Хаджимурата Камалова. Незнакомый всадил шесть пуль практически в упор на пороге редакции его любимой газеты.

Мягкий с виду, интеллигентный Хаджимурат бросился к убийце, но последняя пуля оказалась смертельной.

Говорят, что в этот час на самой охраняемой улице Махачкалы оказались отключенными видеокамеры.

Хаджимурат не был мне другом, но мы много разговаривали о том, о чем в Дагестане разговаривают политические журналисты, – о пытках, беспределе, о бессудных расправах, о том, как остановить неотвратимость гражданской войны.

Его тело еще не остыло, как мне позвонил Биакай Магомедов, главный редактор «Черновика», и сообщил, что только что у него на руках умер Хаджимурат.

Утром мы с Гейдаром Джемалем вылетели в Махачкалу. В аэропорту встретили братьев и сестру Хаджимурата, его дядю, председателя Союза журналистов Дагестана Али Камалова.

Говорить было не о чем, слова соболезнования ложились ледяными камнями на понимание, что нет больше Хаджи-

мурата, нет его страсти, его ошибок, его безудержной храбрости.

Это он, журналист, не имеющий иного оружия, кроме ума и таланта, бросил на заседании у президента Дагестана в лицо всесильному министру МВД Адильгирею Магомедтагирову: «Ты бандит, вор и убийца – и я это докажу!»

А в тот декабрьский день, когда блудливая Москва готовилась показать Кремлю и миру свою креативную сущность, тысячи мужчин, сменяя друг друга, несли по улицам замершей Махачкалы носилки с телом Хаджимурата Камалова.

По исламским обычаям, хоронить надо как можно быстрее – эти десять километров до городского кладбища стоили тысяч Болотных.

Не было женщин (они не хоронят по тем нормам ислама, которые распространены в Дагестане), не все успели приехать из отдаленных аулов.

Успели бы – тысяч двадцать мужчин прошагали бы по грязным проспектам дагестанской столицы в грозном молчании.

Ледяной ветер, страшный, не виданный мной доселе, несущиеся обрывки облаков на ослепительно-голубом небе и грозные молодые мужчины, стоящие вокруг открытой могилы.

Из аэропорта мы успели только на кладбище. Успели кинуть несколько комьев замерзшей глины в отверстую пасть, в которую когда-нибудь уйдем и мы все.

В Москве я не мог объяснить, что случилось в Махачкале, — для них это была далекая смерть далекого туземного интеллигента.

А для меня они сами казались пустыми куклами, которыми играет жестокая власть, обитателями картонных декораций ненастоящих страстей, выдуманной политики и искусственной смерти.

На следующий день я написал вот такое стихотворение:

Ветер резал людей пластами
Беспощадно и аккуратно
На столичном кладбище в Дагестане
Хоронили Камалова Хаджимурата

Три тысячи мужчин прошагали в молчанье
За носилками с телом по городу страшному
И друг друга от всех они отличали
Тем что сердцем остались во дне вчерашнем

В котором Хаджимурат издавал газету
Боролся с произволом и беспределом
Собственно и был он убит за это
Приняв шесть пуль своим смертным телом

Последняя пуля пробила горло
И он не успел сказать во что верит
Но умер он честно красиво и гордо
И смело вошел прямо в Рая двери

Многие завидовали ему пряча лица
От ударов ветра ища спасенья
И нельзя было от ветра нигде укрыться
Ни под светом солнца ни в смертной тени

Этот ветер был очень странным ветром
Словно выдох чей-то в себе носил он
Словно он зародился не здесь а где-то
Где есть сила веры и правды сила

Мы не знали в целом что говорить нам
Что еще не сказано в мире этом
И мешались с ветром слова молитвы
Чтоб потом опять обернуться ветром

И ворваться в город и закружить там
И покончить разом одним ударом
С этой мелкой подлой и жалкой жизнью
Чтобы новый мир встал над миром старым

Но молчали горы хрипело море
Было все как бывало уже когда-то
И у всех в душе каменело горе
Больше нет Камалова Хаджимурата

Из этого стихотворения очевидна внутренняя несовместимость того мира, в котором есть подлинная жизнь и смерть, – с блудливой Болотной, ее ксюшами, димами, леша-

ми, борями, лениями, сережами, витями...

А как же власть и Путин? Хоть с чертом, лишь бы против большевиков – так говорили донские казаки в Гражданскую.

Химеры власти, ее контуры и черты, расплывающиеся во мгле суетного времени, все же менее противны, чем этот компот городского мещанства, его коллективное эго, его желейное тело.

Всякая власть от Бога – даже коварная и пошлая, ментовская и криминальная.

Так же как от Бога снег и дождь, пожары и наводнение. От нее можно укрыться, как от стихии. Может она и убить, подобно стихии.

И против нее можно и должно бороться, как против мора, глада и саранчи, семи казней, посылаемых Господом.

Человеческое же море – иной природы. От него не защитишься иначе, как идущим от сердца и из глубины криком: «Это я, Господи! Да будет воля Твоя, да приидет Царствие твое! Я – оружие в руках твоих, поступи со мной по Воле Твоей!»

И море, рыча и голодно урча, отступит...

Но зверь коллективного и властного, тысячеголовый и похотливый, выходит именно из него.

Эта книга о том, чему и почему нельзя ни за что поддаваться.

И том, что дает нам силы к сопротивлению.

ВЕРА: ОБЩЕЕ В БОРЬБЕ

Кто наши враги и почему мы должны крепить единство?

Противодействие неолиберальному катку не только необходимо или возможно – оно является условием нашего продолжения в истории.

Для этого мусульмане должны стать мусульманами, а христиане должны стать христианами.

Люди, не имеющие примерного представления о религии, могут сформировать только синтез чего-то такого спиритуалистического, комфортного, необязательного.

Все усилия настоящих верующих православных и настоящих верующих мусульман должны идти в России на укрепление горизонтальных, социальных и культурных связей.

Мы не обсуждаем веру друг друга. Мы не комментируем вероисповедальные принципы. На это – табу.

И это табу должно идти изнутри конфессий. Не православные должны следить за тем, чтобы мусульмане не критиковали их там каким-нибудь образом, не обижали их.

И наоборот – не мусульмане должны отслеживать какие-то высказывания православных по их адресу. Изнутри

должны идти эти запреты – по отношению к другим.

Это политический вопрос. Пусть он в какой-то мере ущемляет свободу слова.

Но в нашей ситуации есть реальная угроза внешнего врага, есть реальная угроза превратить наши общины в инструмент внешних сил.

Эти силы действуют от имени материализма, потребления, духовного разврата, кощунства, идолопоклонничества – всего того, что у верующих православных христиан и мусульман ассоциируется со злом, с Антихристом или даджалом.

Общая борьба с этими силами, которые хотели бы поработить наши народы, – это принципиальная позиция, которая должна быть принята как позиция политическая. Потому что так сейчас надо.

Прозелитизм между монотеистами сейчас неверен, неправилен, ошибочен. Он ослабляет единый фронт борьбы.

Единый фронт борьбы против нового языческого Рима, против Запада, против идущей оттуда унификации, которая делает наших женщин, христианок и мусульманок, доступными всем.

Унификация лишает наших мужчин мужского достоинства, меняет их пол. Против этого надо выступать единым фронтом, выдвигая концептуально пространство традиционных ценностей, основанных на вероисповедании наших общин, наших конфессий.

Я в своей жизни общался с самыми радикальными людьми, людьми самых радикальных взглядов. В том числе и в исламских общинах. И они мне говорили: почему ты так знаешь все хорошо, много знаешь, а не принимаешь ислам?

Я им отвечал: потому что я верю в Бога. Не хочу никого обижать. Мы верим в одного и того же Бога. Мы верим в то, что мы умрем, в то, что мы предстанем на Страшном суде.

Давайте предоставим Всевышнему судить о наших делах. Судить о том, ради чего мы жили в наш короткий исторический период, как мы справились с теми задачами, которые Всевышний перед нами поставил.

Ведь это же не случайность, это ведь не игра, что каждый из нас был рожден в это смутное, страшное время XX–XXI века.

Во время, которое диктует нам особые правила, отличные во многом от правил Средневековья, когда человек был целостным.

Когда у человека не было на руке тикающего времени. Когда человек измерял свою жизнь часом молитвы, часом церковного колокола или азаном, который звучал с минарета.

А сегодня человек живет в расколотом пространстве, в расколотом времени, в расколотом мире. Правила поведения – другие.

Предоставим Богу – Богово. А человеку оставим возможность думать о том, к чему его призвал Бог, и сопротивляться тому, что уничтожает в нас человеческое.

А человеческое в нас только то, что связано с Господом Богом. В этом я уверен на сто процентов. И в этом моя политическая, мировоззренческая и жизненная позиция.

Так страшен ли нам русский бунт, бессмысленный и беспощадный?

Россия – страна особого религиозного сознания, сочетающего в себе и глубокий «естественный» мистицизм, и столь же глубокое «естественное» богоборчество.

Еще Достоевский показал отсутствие рационализма в движениях «русской души». Даже «бессмысленный и беспощадный» русский бунт – бунт не столько против обстоятельств жизни, сколько против навязанной извне необходимости самой жизни.

Признание реальности бытия этого ИЗВНЕ диктует и взаимоотношения с ним – или вышеупомянутый истерический бунт («но так, чтобы и все вместе со мной исчезло!»), или полное религиозное смирение, церковная красота которого, собственно, и «спасет мир».

Подобная глобальность, воспринимаемая тонким европейским сознанием как признак варварства, лежит в основе знаменитого русского мессианства, до сих пор насыщающего евразийское духовное пространство.

«Излечить» Россию от этой религиозности можно, только полностью уничтожив ее иррациональную «почву», бросив страну в иные, прагматические миры – миры «всесторонне описанного Бога», поставленного на службу человеку и обществу.

Эпоха советского тоталитаризма, нанеся страшный удар по внешним формам проявления религиозности, не затронула ее «почвенной» основы. Вера большинства населения СССР в торжество социальных идеалов (от коммунистических до советско-имперских) подтвердила эту гипотезу.

Вера необходима России как воздух – вопрос только в формах этой веры. Большевики ловко использовали этот «вопрос формы», предложив народу в качестве варианта вышеупомянутый «бунт».

Поставив перед Россией сверхзадачу лидерства в деле изменения мирового порядка, они потянули ее в бездны «провоцирования» Апокалипсиса.

Осмелимся предположить, что любая иная идея (парламентаризм, права трудящихся, всеобщая грамотность и даже социальная справедливость) не подняла бы массы народа на масштабную братоубийственную (а по сути своей почти религиозную) войну.

Но бунт не бесконечен – прошло время, и «русская душа» потянулась к свету, пытаясь вернуться к своим исконным корням – к традиционной религии.

Традиционные религиозные организации России оказались не готовы к духовному лидерству. Достаточно спокойно существовавшие в выделявшейся им социально-духовной нише, они долгое время боролись в основном лишь за изменение обстоятельств своего существования (больше храмов, учебных заведений и т. д.).

Иные сферы деятельности – духовные – почти не затрагивались. Впрочем, в этом трудно кого-либо обвинять – любые попытки борьбы с идеалами, выдвигаемыми властью, были бы тотчас жестоко подавлены.

Советская власть со всеми ее «духовными глобализмами» рухнула за пять лет. Это крушение, по крайней мере с 1988 года, сопровождалось так называемым «религиозным возрождением».

Сегодня, по прошествии некоторого времени, отчетливо видно, что радостная эйфория по поводу тех событий оказалась несколько преждевременной.

Возрождение обернулось в основном восстановлением имущественных и общественных прав традиционных конфессий, без какого-либо серьезного их проникновения в сферу духовной жизни народа.

Привыкшие к жизни в советском болоте, они продолжали действовать по принципу «кто сам к нам пришел – тот и наш, а других нам не надо».

Но свято место пусто не бывает – инертность одних компенсируется активностью других. Русская религиозность требовала и требует форм – на пространстве постсоветского хаоса «кто смел – тот и съел».

Неужели, например, православные, не возражающие против государственных карательных мер в отношении «тоталитарных сект», не понимают, что те мальчики и девочки, которые толпами ушли за «дудочкой» Марии-Дэви-Христос в

«белое безумие», могли пополнить православную Церковь?! Но их жажду религиозности утолили другие «ловцы душ». Какие к кому претензии?

Другой, не менее серьезный по своим последствиям внутренний конфликт современной России заключается в появлении достаточно широкой, уже не западной (в терминологии XIX века), но западнообразной, чиновничьей и интеллигентской, прослойки.

«О, лучше бы он был холоден или горяч!» Слова из Апокалипсиса Иоанна, адресованные «ангелу Лаодикийской церкви», вполне применимы и к этим людям.

Дело не в их атеизме (русский атеизм вполне в религиозном духе) – дело в их безразличии ко всему, кроме обстоятельств жизни.

Если до революции они только угадывались, потерянные среди общего кипения и борьбы, в раннее советское время отсиживались в стороне, а в хрущевско-брежневские годы формирования пристойного в глазах «мирового коммунистического истеблишмента» полезли наверх, то сейчас – их время.

Это не Ставрогины, не Карамазовы, не Верховенские, это даже не Смердяковы. Это подлинная «третья сила».

Дьявол, патетически воскликнул Достоевский, борется с Богом, и поле этой борьбы – душа человека. А если не борется? Если «консенсус»?

Не холоден, не горяч разум «консенсуса» – позитивист-

ские рационалистические религии современного Запада как раз по нему. «Бог любит вас» и «Как попасть на небо» – простые истины раздавались пачками на станциях Московского метро.

Но осмелимся утверждать, что в России эти игры даром не проходят. То, что так модно называть «конфликтом архетипов», приобретает в российских реалиях страшный смысл.

Позитивистское безразличие современных образованных слоев России, карикатурно повторяющее естественный позитивизм западной цивилизации, вступает в жестокое противоречие со слепыми духовными метаниями населения страны.

В духовных недрах России вызревают опасные плоды. Ничего еще не кончилось – русский бунт только взял передышку, русская душа пока не утолила жажду жизни и смерти.

Неужели не ясно, что дикое увлечение населения нашей страны магией и колдовством не имеет ничего общего со спокойным «бытовым эзотеризмом» new age США и Европы?

Что эти «странные люди», маги и волшебники, просто так получают колоссальную власть над толпой? Власть, не снившуюся никаким Гитлерам, – власть религиозную! Какова «их религия», кому она подсудна?

Нерелигиозной Россия быть не может – тогда она просто перестанет быть Россией. Стало быть, вопрос выбора религии для нее – вопрос первоочередной.

С этого выбора она когда-то началась при князе Владимире. При другом Владимире она сделала оборотный выбор. При ком произойдет еще одна перемена?

Какая нация нам нужна?

Без христианства нация, которая сформировалась как нация христианская, бесспорно скатывается к совершенно тяжелейшим глубинам подсознания, языческим.

Этому пример дала Германия. Поднимаются те глубинные силы, которые многие века зажимались христианством и загонялись как бы вовнутрь. И отсюда появляется чудовищная иррациональная жестокость, отсюда появляется и то, что принято называть фашизмом, который противопоставляет себя христианству.

Что касается лозунга *«Русь святая, храни веру православную»*. Этот лозунг не вызывает у меня возражений. Другое дело, что мы называем *«Русью святой»*. Если Русь святая – а так оно и есть, как мне кажется, – это Церковь православная.

Лозунг *«Церковь православная, храни веру православную»* настолько очевиден и бесспорен, что с ним даже спорить не приходится.

На территории России не христиане дают пример нации. Может быть, это общность метафизической идеи формирует из племен нацию.

Вполне допускаю, что атеистическая, а скажу более жестко – и антихристовая идея может сформировать некую новую общность, которая также будет нацией. Почему бы нет, собственно говоря?

Другое дело, что, если мы взглянемся в душу этой нации, мы увидим там только пульсацию крови, такой родовой крови, которой будут приданы черты какого-то нового человечества. И это не может вызвать ничего, кроме ужаса!

Потому что, все-таки вглядываясь в душу христианского народа, мы видим в глубинах этой души как таящийся потенциал греха, тяжелого греха, абсолютно любого, но также мы видим и свет Христов, и способность к покаянию, способность к раскаянию, способность к спасению, в конце концов, способность к самопожертвованию.

Мне кажется, что атеистическая нация, атеистическая русская нация может быть сформирована в России совершенно спокойно. И это будет нечто, что сумеет противостоять истории России прямо, жестко и совершенно конкретно.

С чем нам невозможно согласиться?

На Западе можно свободно увидеть похабные фотографии, продающиеся свободно, на которых папа и Дева Мария или какие-то святые Церкви изображены в чудовищно похабных ситуациях.

Поэтому могу сказать, что в Европе существует не просто антикатолическое, или какое-то антиправославное лобби, или антиисламское, или антииудейское, а в принципе лобби, ненавидящее все, что связано с религией, с этикой, с моралью.

Лобби, ненавидящее и принципиально пропагандирующее самым грязным, мерзким и похабным способом, который можно назвать старым русским словом «пашквилянтство», свои антирелигиозные взгляды.

То, что в Европе ведется война против религии в целом, — это, безусловно, правда. И католическая церковь, безусловно, является объектом атаки и со стороны левых. Так что очень серьезная ведется война.

Уважаю людей верующих, верящих в ту этику, которая испокон веков формировала человеческую цивилизацию и культуру.

Верующие в современном мире представляют собой меньшинство — атакуемое меньшинство, унижаемое, оскорбляемое меньшинство.

Почему-то конституции современных государств, особенно западных, написаны в интересах атеистов. Они постулируют атеизм и безбожие как некий принцип организации общества и государства.

Меня спрашивают: а как тогда людям договориться, если каждый будет твердить о первостепенности своей религии? А зачем договариваться, когда Богу – Богово, а кесарю – кесарево.

В этой жизни, мне кажется, надо придерживаться моральных норм, одной из которых, в частности, является неоскорбление веры другого человека.

При этом я являюсь противником публичной пропаганды безнравственности, гомосексуализма, гей-парадов и всей этой мерзости – потребления наркотиков и всего прочего.

Мы все умрем, нет человека, который бы не умер.

Вот, умерев, мы и узнаем, кто прав, а кто неправ. Предоставим Господу решать, как нас судить – на Страшном суде.

Мы не Европа? И слава богу!

Между Россией и Западом идет война. За человека и то, каким ему быть. Пока холодная, без артобстрелов, но уже настоящая – без дураков.

На Западе и в России одновременно принимаются взаимоисключающие законы.

Запад легализует гомосексуальные браки.

Россия запрещает даже пропаганду гомосексуализма. Под запретом, по сути, Запад и его гей-законы.

Россия не хочет отдавать им своих детей и ставит под сомнение ювенальную юстицию.

На Всероссийском родительском съезде Путин сказал, что «следует избегать слепого копирования чужого опыта, в том числе и по причине небесспорности этих моделей управления общественными явлениями в данных сферах и в тех странах, где наиболее широко применяют правила так называемой ювенальной юстиции».

В переводе на простой и понятный язык это значит – «то, что даже и немцу не хорошо, то нам вообще и на фиг не надо!».

Понимание, что мы с большинством западных людей принадлежим, скорее всего, к разным гуманоидным видам, внешне похожим, но внутри уже принципиально иным, не только не покидает – усиливается и укрепляется.

С этим непросто смириться – ведь мы привыкли думать, что там живут люди, о которых мы читали книги, смотрели фильмы.

А оказывается, там живут какие-то иные существа, совсем не похожие на тех, к кому мы привыкли!

Старый мир Запада с его образами людей, жаждавших свободы и ненавидевших тиранию, злодеями и героями больше не имеет смысла.

Похоже, что и человек как индивидуум на Западе тоже больше не имеет смысла.

Человека там, похоже, отменили.

Вместо него учредили налоги, законы о правах и обязанностях, торговые и туристические центры, места отдыха и развлечений.

Бизнес, образование, кредиты и информацию, заполняющую каждое мгновение времени, втягивающую душу и мозг в непрерывное проживание чужих жизней и судеб.

Больше нет греха или святости – есть желания, возможности их достижения и разрешение общества.

Это раньше человек был грешником – когда еще был человеком. Ведь грех – человеческое понятие. Теперь, когда он официально не мужчина, не женщина, а просто гражданин и партнер (пол не важен), греха нет.

Принятый во Франции закон «Брак для всех» фактически отменяет в гражданском кодексе понятия «мать» и «отец», «мужчина» и «женщина» и вводит понятия бесполой су-

ществ: «родитель А» – «родитель Б».

Мы, по большому счету, то, что сами о себе придумаем, и то, на что решимся.

Маленький капрал становится императором Франции, а сын грузинского сапожника – повелителем половины мира, живым богом и надеждой угнетенных большей части Земли.

Тяжелобольной верит в исцеление – бросает костыли и бежит, крича от радости.

Герои были строителями истории, символами того, что все можно изменить.

История кончилась – герои объявлены антиобщественными элементами, опасными и зловещими. Их заменили спортсменами и актерами.

Вера антиобщественна, религия радикальна и создает неравенство – вот тезисы неолиберализма, написанные над входом в тюрьму современного мира.

Одна из величайших тайн человеческого бытия в том, что любое общество бесчеловечно и тотально.

С точки зрения общества свобода воли – явление крайне опасное. Оно ведь не нуждается в разрешении.

А разрешение на то, чтобы быть свободным, – одно из важнейших свойств общества.

Собственно, война общества против человека и заключается в желании узурпировать все формы личной свободы, придав им характер общественной санкции.

Общество порождает бюрократию – управленческую, эко-

номическую, культурную.

Именно бюрократия заведует разрешениями от имени общества человеку быть человеком (общественным, разумеется).

Бюрократия – это не обязательно квадратные дядьки в костюмах и галстуках. Бюрократия – это сегодня и неолибералы-гомосексуалисты в джинсах и свитерах.

Помню, однажды одна депутат бундестага от фракции зеленых (естественно, лесбиянка) сказала мне: «Мы будем прививать гомосексуализм в немецких школах, чтобы понизить тестостерон, который создает угрозу нацизма».

Говорят, доктор Менгеле был вивисектором над живыми людьми – над десятками, может быть, сотнями несчастных узников.

А сознательное и проектируемое изменение психологии и биологии миллионов – как назовем?

Итак, Запад идет к тому, что человек, как он понимался на протяжении истории («дьявол с Богом борется, а поле битвы – душа человеческая»), больше так пониматься не должен.

Ни тебе дьявола, ни Бога – одна душа и предлагаемые этой душе и придуманные разными дядями и тетями «правовые коридоры» и психологические сценарии.

Поневоле укрепляешься в мысли, что монотеистическая религия, вера в единого Бога (иудаизм, христианство, ислам), поставившая человека в центр истории, есть величайшая форма защиты от этой уничтожающей человека силы.

Монотеизм говорит о человеке как о главном творении Бога, как о Его заместителе на Земле.

Я даже не обсуждаю сейчас, есть Бог или нет. Я говорю о том, что в монотеистических цивилизациях этот тезис является своего рода защитной грамотой каждого человека от всеобъемлющего желания общества подчинить себе человека до самой последней его мысли и чувства.

Религия есть свобода от человека ничем и никак неотъемлемая.

В финале оруэлловского ужаса «1984» главный герой, признавшись под пытками, что он агент всех разведок и террорист всех терактов, отпускается палачами только тогда, когда под страхом перед крысами, способными выгрызть ему глаза, предает возлюбленную: «Не меня – Джулию!»

И палачи его отпускают. Он им больше не нужен – в нем нет личного, нет тайного укрытия любви, делавшего его иным, антиобщественным...

Он встречает возлюбленную и понимает, что она тоже предала его, – герои Оруэлла сломаны, и у них больше нет личной тайны. Они полностью принадлежат обществу, и у них больше нет от него защиты.

Сила монотеистической религии в том, что Бога предать невозможно – даже отрекаясь от Него, человек способен вернуть Его себе в любую секунду. Простыми словами: «Прости меня!»

А вместе с Ним вернуть и свободу – быть грешным или

праведным, но самим собой, а не таким, как прикажет партия или парламент с газетами и телевидением.

И никому об этом чуде не докладывать и не сообщать. Эта свобода принадлежит только ему – человеку, решившемуся поверить.

Россия сопротивляется Западу и тому, что там происходит, пока по инерции.

Наши начальники всех мастей инстинктивно чувствуют – что-то не так. Сомневаются и не верят глазам и ушам своим. Понимают спинным мозгом, что, имея дело с Западом, они имеют дело с чем-то страшным, что уже никогда не отпустит.

Но ведь на Западе так комфортно и клево – там деньги и удовольствия, там статус и технологии...

Плата за вход – разум, как прочитал однажды герой Германа Гессе на воротах, нарисованных на стене. Я скажу так: плата за вход – ты сам.

Уверен, что идеология сопротивления этому злу нового либерального тоталитаризма будет развиваться и формулироваться именно здесь, в России.

Только в ней три монотеистические религии встречаются и находят возможность приемлемого и равного диалога об общем кошмаре, наползающем на человека.

Важно только понять, что из невнятного ощущения неприемлемости легализации «голубых» по пацанским принципам необходимо пройти путь до философского и политического осмысления того, почему мы – люди, а они там,

похоже, уже не совсем.

Необходимо оказывать поддержку сопротивлению – христианскому, исламскому, иудейскому, традиционалистскому – там, на Западе.

Это сопротивление людей, которых там пока еще очень много против нечеловеческого, которого все-таки уже больше.

Ведь Запад же зачинает, рождает и пестует у нас своих неолиберальных «постчеловеков».

Они появляются не от союза мужчины и женщины – от мощной медийной машины пропаганды отсутствия греха и культа потребления вкупе с требованием «общественных прав» и ненависти к православию, исламу, иудаизму.

И естественно, все это под ласковым взором щедрых западных фондов.

Это война – сражаться без понимания, за что ты воюешь, значит, заранее проиграть.

А у нас на это просто нет права – ведь похоже, что мы – один из последних оплотов человечества и человека.

Что такое «либеральное безумие»?

В ноябре 2009 года Страсбургский суд удовлетворил иск итальянской гражданки Соиле Лаутси, финки по происхождению. Она настаивала на том, что наличие христианских распятий в школах – в классах в Италии везде висят распятия – нарушает родительские права на светское образование ее детей.

Пароксизм шизофренического либерального безумия очевиден в этом иске, как видны и внутренние противоречия Европейского союза.

Греки, например, не пускают на Афон женщин. Кто-то подаст скоро иск и против Афонского синода, потому что феминистки и лесбиянки хотят прорваться на Афон и загорать там топлес. Этот вопрос поднимался уже неоднократно – почему, мол, такая дискриминация?

Я являюсь сторонником человеческой свободы. Если есть люди, которые при виде креста начинают дымиться, которым не нравится вид распятия, то, мне кажется, этим людям надо пройти обряд изгнания бесов.

Они явно одержимы, потому что род сей боится поста и молитвы и крестного распятия, крестного знамения боится. Это мы знаем из истории человечества.

Конечно, если данная финка, или какие-нибудь еще финки, или кто-либо еще полагает, что Бога нет и все это только

такая символика пустая и бессмысленная, то тогда, конечно, их не переубедишь.

И если они думают, что это их право так считать, тогда и у католиков и католических родителей, и православных родителей есть право иметь распятия и иконы, символы веры в классах.

Если есть хоть один ребенок-католик или православный в этом классе, если, конечно, мы еще не дожили до того времени, когда просто людей за их веру в Бога будут бить, гнать и преследовать.

Мне кажется, что можно оставить в покое и мусульман – как они ходят, закрывают лица или не закрывают их женщины.

Тут все видели фотографию жены президента Саркози, где она, голая, демонстрирует всему миру свою грудь. А мусульманкам, значит, закрывать свое лицо нельзя?

В современном мире люди одеваются как хотят, делают себе операции – мужчины меняют пол на женский, женщины на мужской меняют пол. Но именно к верующим надо цепляться – запрещать носить хиджаб, кипу, кресты.

Кстати, к буддистам никто не цепляется. Почему-то цепляются только к монотеистам, цепляются только к мусульманам, христианам и иудеям.

Понимаете, далай-ламе, да хоть он прошел бы по всей Европе, только будут кланяться, руки ему целовать и говорить: «Как хорошо, что вы приехали, ваше святейшество».

Почему мы должны ориентироваться на мнение людей, которые активно борются против религиозных символов, против религиозных норм и против религии?

Почему эти люди, эта небольшая группка одержимых, должны задавать тон в современном обществе? Хотя верующих в нем гораздо больше, гораздо больше.

Почему эти революционеры либеральной модернизации должны диктовать волю подавляющему большинству населения Земли, которое является религиозным?

Мне кажется, что это дико. Это пленение верующих в некоем гетто.

Ну хорошо, уберут они из классов христианскую символику. И повесят при этом портрет какого-нибудь атеиста, например Джордано Бруно.

А если этот портрет оскорбляет чувства католиков? Вот посмотрят они на Джордано Бруно и думают: а ведь это человек, который пошел против церкви и был отцом философского атеизма!

Есть на Земле свободная страна под названием Сирия. В Сирии живут православные, монофизиты и мусульмане. В этой стране понимают, что вера – это личное дело каждого человека.

И там совершенно спокойно в школу ходят девочки в хиджабах, девочки с крестами православными, с покрытой, непокрытой головой, общаются.

Вот так и должны жить люди в свободном мире, в мире, в

котором уважается вера и содержательная часть жизни другого человека.

Почему с прибытием Депардье русских прибыло?

Почему такая ненависть к Депардье у либерал-шпаны («пьяница», «бездельник», «бежит от налогов...» и пр.) и такая симпатия у народа (быдла – по определению либерал-шпаны)?

Почему такая опасливость по поводу Депардье, несмотря на положенный чиновникам восторг (Путин принял!), у правящей номенклатурной касты?

Потому что либерал-шпана и номенклатура хотят одного и того же – создания в России эффективного общества и государства западного типа – машины перемалывания в социальную труху человеческих судеб и жизней.

Одни – господством спекулятивных форм производства денег (власть банкиров и шоу-бизнеса), другие – эксплуатацией недр и дойкой бюджета (власть чиновников и госкорпораций).

Но обе эти силы, как лев и крокодил из известной притчи, хоть и дерутся, соприродны: мечтают пожрать человека, каждый на свой лад.

Депардье всем своим видом (расхристанность на встрече с Путиным и т. п.), всей своей киножизнью показывает, что именно человек-бунтарь – свободный и азартный, опасный и разный (злой или добрый, не важно) – является его главной

мечтой и образом.

Все герои Депардьё – асоциалы, практически все.

И комический преступник из фильмов с Ришаром, и галл, дурачащий империю и императора, и конечно же незабываемые герои (уже ветераны!) войны против общества из фильмов Бертрана Блие.

В Депардьё народ чувствует и опознает своего, народного артиста.

Ведь тайна (любого!) государства в том, что оно всегда инструмент войны правящих элит против народа.

Главная задача любой власти – продолжаться во времени.

Не позволить народу или порождаемым народом героям отобрать власть, нарушить систему гармонии вертикали – вот забота правителей.

Власть – самодостаточна, эта ценность осознается только теми, кто познал ее. Для остальных она – теория.

Демократия, монархия, деспотия – только ширма, прикрывающая подлинное господство нескольких десятков, может быть, в случае США, сотен семей. Они вне закона, вне конституций, вне всех этих глупостей. Они – власть.

Потребление, развлечения, информационная завеса – все годится, чтобы умалить энергию народа в борьбе за оспаривание власти у правящих элит.

Это оспаривание – один из его первичных и главных социальных инстинктов.

Даже не владея политическим, философским, методоло-

гическим инструментами анализа и понимания истории, народ чувствует на уровне инстинкта самосохранения, что правящие элиты – его смертельные враги.

Господа, пожирающие его жизнь, отведенное под них единственное и неповторимое время.

Пожирающие привязкой к труду (не на себя), кредиту (который бесконечен), медиабессмыслице (которая не дает сосредоточиться), отсутствию тишины, в конце концов.

Отсюда такая инстинктивная любовь народа (сознание которого сегодня предельно зомбировано потреблением и шоу-бизнесом, гонкой по кругу в духе «зарабатывай, чтобы тратить» и т. п.) к асоциалам, даже преступникам.

Господство блатной культуры, цыганщины, шансона – доступная необразованному в структурализме и социопсихологии народу форма стихийного культурного протеста.

Жерар Депардьё – глубоко народный артист.

Судя по его фильмам, Депардьё органически ненавидит буржуазный истеблишмент.

Миллиардер и владелец винных подвалов? Самый популярный актер Европы конца XX века ненавидит буржуазный истеблишмент?

Конечно, актер и его роль – не одно и то же. Нас предупреждают об этом тысячи кинокритиков. Они вопят об этом и умоляют нас не забывать.

Но слишком уж показательна цепь его фильмов – «Вальсирующие», «Прощай, самец!», «Вечернее платье», «Слиш-

ком красивая для тебя»...

Даже Ватель с его самоубийством из-за того, что вроде бы не доставили рыбу к трапезе короля, а по сути, из-за невыносимости сосуществования свободного и страстного творца с миром жрущих и блудящих господ.

Остановимся на «Вальсирующих» – одном из первых фильмов Депардье.

Два подонка (но каких обаятельных, каких завораживающих!) ведут индивидуалистическую войну с обществом – с помощью воровства, насилия, секса и постулирования этики свободного человека, твердо знающего, в чем добро и зло, и выбирают конфликт там, где они сталкиваются с обществом и его феноменами.

Они буквально прут навстречу этому конфликту. И не потому, что так написали в газетах или рассказали в университетах.

Их враги персонифицируются в парикмахерах, платных врачах и тюремщиках.

Их антибуржуазность не подразумевает аскезы. Когда есть бабки (естественно, отобранные у буржуа), герой Депардье и его спутник шикуют: дорогие машины, хорошие костюмы, лучшие рестораны, гламурные шлюхи.

И похоже, это не просто эпизод кинобиографии месье Жерара – похоже, он сам.

Кино вторгается в жизнь, как писали в советских журналах: последние два президента Франции символизируют вра-

гов героев «Вальсирующих».

Саркози – мент и тюремщик, Олланд – из семьи отоларинголога (не жителя социального квартала, естественно).

Можно выносить де Голля – аристократа и солдата, можно выносить Миттерана – масона и социалиста, можно вынести д'Эстена, даже филолога Ширака...

Но вороватого и как-то жалко распутного (бросившего жену ради манекенщицы, почти шампунщицы, как по сюжету Блие) тюремщика или примерного тихушника-социалиста выносить невозможно.

Против этого восстает душа Франции – страны Вийона, Рембо, Бодлера, де Местра, де Сада, Жида, Блие и Депардье. Страны, во многом породившей и сформулировавшей философию радикального бунта личности против системы.

И душа Франции (то, что от нее осталось) бежит, эмигрирует...

Почему в Россию? Говорят, налоги меньше... Возможно... Но не думаю.

Дело, кажется, в том, что Россия при всей видимости государства и его надутых щеках – страна, хранящая в себе «тайну беззакония» (по Достоевскому). Тайну последнего, глубинного сопротивления человека и человеческого беспощадной машине закона, порядка и социума.

Даже на уровне криминализации всех слоев общества, приоритета и права силы во всем – от экономики до политики.

Это насилие и произвол, как ни странно, более человечесны и позволяют в большей мере сохранить в человеке человеческое (пусть и за счет неприятия и сопротивления), чем социальный зоопарк «цивилизованного мира».

Лучшим умам и сердцам Франции это понятно, как в никакой другой стране.

Русский бунт – бессмысленный и беспощадный? А французский с гильотинированием святых на фронтонах готических соборов – осмысленный?

Эта страна тоже прикоснулась к «тайне беззакония», причастилась ею. Пусть и более рационально.

Не в таком масштабе, как мы, но, кажется, мы понимаем друг друга с полуслова – и левые, и правые. И Селин, и Арагон, и Аполлинер – в России их читают.

«И пью я эту воду как огненную боль, и огненную боль я пью как алкоголь»... Это понятно русскому.

Депардьё – наш. В России стало больше на еще одного стихийного анархиста.

И слава богу! Это делает ее еще более русской.

Зачем нужна религиозная журналистика?

Религия должна быть не способом спрятаться от мира. Религия – это вызов миру. Свеча зажженная не ставится под стол, она ставится на стол, чтобы светить всем.

Многие приходят в религию, религиозную журналистику, чтобы создать мир сублимированной веры, сублимированных человеческих отношений.

Среди многих верующих господствует представление, что вот мы в Церкви, а за пределами границы – зло, грех, Вавилон, которые надо ненавидеть, презирать и игнорировать.

Это глубокое заблуждение. Если свеча ставится под стол – в ней нет смысла; если соль теряет силу, зачем нужна эта соль? Это очень важно.

Если вы верите, что ваша религия, то, что является светом вашей души, – это истина, ради которой стоит умереть, – смотрите смело в глаза миру и преображайте этот мир, атакуйте!

Позиция верующего – это всегда позиция священной войны. Нечего прятаться за то, что у мусульман есть джихад, а все остальные – покладистые лапочки.

Верующий должен занимать наступательную позицию. Религиозная журналистика должна противостоять обществу потребления.

Современный сатанизм – это общество потребления, превращающий человека в матрицу эмоций и психических состояний.

Надо открыто выступать против ростовщичества, против ростовщического процента, который прямо запрещен в Библии.

Когда православный журналист пишет об экономике, он об этом должен писать, о том, что греховно делать деньги не на труде, а на продаваемом воздухе, что это сатанизм.

Есть несколько очень важных принципов, которых надо придерживаться в публичной жизни, – с кем нельзя вместе есть, что нельзя вместе пить, с кем нельзя вести бизнес. Их никто не отменял, но православные живут так, будто этих правил нет.

С одной стороны, все хотят следовать букве как начетчики, а с другой стороны, «надо понимать все в духе времени». Так и до браков между мужчинами дойти можно.

Здесь должна быть борьба, постулирование своего взгляда – вот это и есть религиозная журналистика.

Джулии

А жизнь – это что? песок или ветер?
или камень застывший под диким небом?
или удар какой-то огненной плети?
или повод сказать, что не знаю, не был...

Россия так красива холодным утром
когда все мучительно месят будни
я стал таким тоскливым и мудрым
как сидящий у дороги усталый путник

ты там с воинами да с поэтами
в мире, где нет места дурацким слухам
и не слышишь меня поэтому
своим точеным красивым ухом

а я в стране заполненной монстрами
уродами разными безобразными
они себя полагают острыми
а также синими, белыми, красными

они думают, что жизнь — это мельница
что мелет для них хлеба подовые
а я знаю, что жизнь — метелица
и камни, камни к бою готовые

к рукам, глазам, мозгам и отчаянью
к печали, плачу и послесловию
я так люблю тебя, что случайно
чуть было не стал твоей черной кровью

Россия — вот оно то осеннее
что мучает душу и глазу нежное
безбрежной нежности отнесение
мое к тебе бесконечно прежнее

МЫ – РУССКИЕ!

Почему мы на стороне беглых каторжников?

В Перми инкассатор Александр Шурман ограбил инкассаторскую машину. По опросам социологов, 58 процентов жителей Перми не стали бы сообщать о беглом инкассаторе в правоохранительные органы.

В обычаях русского народа не сдавать лихого человека полиции. Это всегда считалось плохим делом. Даже песня такая есть – «Славное море священный Байкал».

Там человек бежит с каторги, и ему помогают – парни махоркой, девки что-то тоже приносят. Вот и инкассатора этого не захотели сдавать. Значит, жива еще душа народа. Все равно его поймали.

Хотят сделать из нас швейцарцев, которые, если на асфальт окурков бросишь, сразу звонят в полицию. Окурков на асфальте у них, конечно, меньше, чем у нас, это хорошо. Зато и мы не швейцарцы, слава богу.

Да, мы другие, мы хаотические, мы безумные.

Такой он, слава богу, русский характер. Поэтому я горжусь своей страной и характером моего народа. Хотя окурки

— это, конечно, безобразие.

Мне кажется, что русские люди глубже. Это по-русски — считать, что, если человек пошел на злодеяние, значит, у человека этого такая боль, или беда, или такие мотивы, которые разрывают его связь с миром.

У нас роман об этом написан, который весь мир читает, — «Преступление и наказание».

В любом случае в традициях русских людей входить настолько глубоко в мотивы преступника, что чуть ли не начинать ему сочувствовать.

В этом — душа народа. Тут ничего не поделаешь. Слишком уж наш народ страдал всегда. От власти страдал, от кого только не страдал.

Переделать душу народа, конечно, есть желание, особенно у городских, у столичных жителей, но я надеюсь, что ее не переделаешь, что она такой уже и останется.

И русские люди не перестанут сочувствовать беглым каторжникам, и помогать заключенным не перестанут, когда те станут бежать, и не будут выдавать их полиции.

Солженицын писал, что сталинское время сильно изменило характер людей — начали выдавать беглецов из лагерей, хотя никогда не выдавали до этого.

Значит, восстанавливается душа народа, если сегодня выдавать беглецов тоже не желают. Пусть полиция ищет тех, кто бежит.

Все ли русские националисты являются таковыми?

Символом москвича и русского для меня является Пушкин – маленький чернявый человек с жесткими курчавыми волосами, с такими губами, шлепающими одна другую, с длинным носом, небольшого роста, со смуглой кожей.

На Манежной он наверняка был бы забит просто в мясо, как там были забиты в мясо несколько чернявых русских подростков, которые были русскими, а совсем не кавказцами, хотя это, конечно, не оправдывает.

Но почему это так? Потому что Достоевский русскому человеку сказал, что Пушкин являет собой русского человека, каким он будет через двести лет. В Пушкине нам явился прообраз русского всечеловечества.

Какую альтернативу мне предоставляют под видом русского разные политехнологии и разный космополитический сброд, который формирует этот новый этнический конфликт в России?

Какие-то странные русские, которые закрывают лица, ходят в масках, чего-то боятся, которые не похожи на русских, которые матерятся.

Я бываю на форумах русских националистов – там стоит мат-перемат, там обещают друг друга поиметь в разные места, там они так себя ведут, как никогда в истории русские

себе не позволяли.

Ни у Афанасьева, где русский народ использовал низовую культуру для описания разных комических отношений, ни у Даля, ни где-то еще.

А русские националисты никакие не русские. Поэтому я отказываю им в том, что они русские, и говорю: Россия для русских, а не для этого сброда. Это не про них Суворов когда-то сказал: «Господа, мы русские! Какой восторг!»

Когда Суворов стоял и говорил это, на него смотрел князь Багратион, на него смотрел Кутайсов, турок по происхождению, на него смотрели те люди, которые преодолели Альпы и своими штыками проложили себе путь через Италию и через Швейцарию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.